

**СОДЕРЖАНИЕ ПРИЗНАКА КОРЫСТНОЙ ЦЕЛИ
В ПРИСВОЕНИИ ИЛИ РАСТРАТЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА****Кристина Александровна Лебедева**Омская академия МВД России, Омск, Россия, wwwkristi_95@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются понятие и содержание признака корыстной цели при квалификации преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата». Обозначается проблема ограничения субъективного толкования корыстной цели. Анализируются разъяснения, вынесенные высшими судебными инстанциями относительно содержания признака корыстной цели при определении виновности лица в совершении присвоения или растраты, в том числе в ретроспективном аспекте; исследуется научный подход к определению содержания корыстной цели; приводится судебная практика по теме исследования. В результате изучения указанных аспектов в совокупности автор приходит к выводу о том, что в интерпретации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» широкий подход к определению корыстной цели на практике в полной мере не реализуется, в связи с чем излагает собственное видение решения данной проблемы.

Ключевые слова: преступление, хищение, присвоение, растрата, корыстная цель, материальная выгода, квалификация.

Для цитирования: Лебедева К. А. Содержание признака корыстной цели в присвоении или растрате чужого имущества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 112–119.

Original article

**THE NATURE OF THE MERCENARY MOTIVE IN THE APPROPRIATION
OR EMBEZZLEMENT OF ANOTHER'S PROPERTY****Kristina A. Lebedeva**Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Omsk, Russia, wwwkristi_95@mail.ru

Abstract. The article reveals the concept and content of the mercenary motive in the qualification of a crime under Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation “Appropriation or embezzlement”. The problem of limiting the subjective interpretation of a mercenary motive is indicated. The explanations issued by the highest judicial authorities regarding the content of the mercenary motive in determining the guilt of a person in committing embezzlement, including in retrospective aspect, are analyzed; the scientific approach to determining the content of a mercenary motive is investigated; judicial practice on the subject of the study is given. As a result of studying these aspects together, the author comes to the conclusion that in the interpretation of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud and embezzlement”, a broad approach to the definition of a mercenary motive is not fully implemented in practice, in connection with which sets out his own vision of solving this problem.

Keywords: crime, theft, misappropriation, embezzlement, mercenary motive, material gain, qualification.

For citation: Lebedeva K. A. The nature of the mercenary motive in the appropriation or embezzlement of another's property // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (103). P. 112–119. (In Russ.)

© Лебедева К. А., 2024

Введение

В доктрине уголовного права вопрос о содержании признака корыстной цели при установлении виновности лица в совершении присвоения или растраты обсуждался неоднократно, однако до сих пор остается нерешенным, несмотря на широкую практику применения ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и ее неоднократное обобщение на уровне высшей судебной инстанции. Как показало исследование практики применения ст. 160 УК РФ, одной из причин сложности квалификации присвоения или растраты является субъективистское толкование правоприменителем признака корыстной цели ввиду отсутствия критериев, определяющих пределы его содержания.

Методы

В исследовании использовались всеобщий диалектический метод познания, а также методы анализа и синтеза, исторический метод и метод сравнения. Кроме того, для установления содержания признака корыстной цели при присвоении или растрате мы обратились к судебной-следственной практике.

Результат исследования

Определено содержание признака корыстной цели при присвоении или растрате чужого имущества; установлено, что для достижения корыстной цели у субъекта могут быть самые разные побудительные причины, в том числе и некорыстные мотивы; сформулированы рекомендации по изменению положений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48.

Следует отметить достаточно высокую научную разработанность избранной темы исследования. Так, вопросы уголовной ответственности за присвоение и растрату являлись предметом изучения еще в дореволюционной России [1]. Отдельные аспекты исследования уголовной ответственности за присвоение или растрату в советский период можно проанализировать, например, в работах М. М. Исаева [2], Г. Н. Борзенкова [3]. В ранние годы современной России

вопросам уголовной ответственности за совершение рассматриваемого преступления в числе других аспектов посвящены труды В. В. Векленко [4], Л. Л. Кругликова, Н. В. Перча, Э. С. Тенчова [5], В. В. Бранатова [6], В. В. Киршенмана [7]. О вопросах правоприменения ст. 160 УК РФ писал О. В. Белокуров [8]. Проблемы квалификации присвоения и растраты и характеристики предмета соответствующего преступления отражены в трудах А. Безверхова [9] и А. А. Бакрадзе [10]. Аспекты отграничения преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, от гражданских правоотношений затрагивал А. В. Никитин [11].

Признак корыстной цели в хищениях, связанных с присвоением или растратой, имеет свои особенности, и определение его содержания часто осложняется субъективистским толкованием как в теории, так и на практике. Ввиду этого в научной среде (по избранной автором тематике исследования) проблема пределов такого толкования главенствует среди прочих.

В юридической литературе указывается, что в настоящее время в обобщенном виде определение содержания признака корыстной цели при хищениях дается посредством широкого и узкого подходов к его пониманию. В отличие от узкого подхода, в широком аспекте корыстная цель толкуется как возможность распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению, в том числе и в пользу иных лиц, круг которых не ограничен [12, с. 93].

Изначально правоприменительная практика брала за основу узкий подход, подразумевающий единоличное обогащение за счет распоряжения чужим имуществом. Сейчас, напротив, содержательный аспект корыстной цели в хищениях, связанных с присвоением или растратой, стал пониматься широко.

Исследовав развитие норм отечественного уголовного законодательства в соответствующей части, мы пришли к выводу о том, что первое легальное упоминание о корыстной цели в постсоветском уголовном законодательстве имело место в Примеча-

нии к ст. 144 «Кража» УК РСФСР 1960 г. (с принятием Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», вступившего в силу 17 июля 1994 г.). Однако, что понимать под данным субъективным признаком, законодатель не уточнил.

Впоследствии высшими судебными инстанциями все же были даны противоречивые разъяснения, раскрывающие содержание корыстной цели:

– может присутствовать при противоправном временном пользовании чужим имуществом¹;

– противопоставлялась цели временного использования имущества²;

– выражается в стремлении изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц³.

По логике первых двух разъяснений корыстная цель заключалась в намерении виновного лишиться имущества собственника или иного владельца навсегда, но не объяснялось, когда обращение имущества в пользу других лиц следует считать совершенным с корыстной целью.

В настоящее время содержательный аспект корыстной цели при совершении присвоения или растраты отражен в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвое-

нии и растрате» (далее – Постановление от 30 ноября 2017 г. № 48), где, в отличие от приведенных разъяснений, есть указание на неограниченный круг лиц, которым может быть осуществлена передача чужого имущества.

В научной среде содержание корыстной цели также понимается по-разному. Так, П. С. Яни, анализируя особенности квалификации преступлений против собственности, приходит к выводу о том, что под корыстной целью понимается желание преступника получить возможность распорядиться похищенным имуществом по собственному усмотрению⁴.

Н. А. Лопашенко, проведя углубленное изучение преступных посягательств на собственность, резюмирует, что корыстная цель субъекта преступления выражена, во-первых, в его стремлении к личному обогащению; во-вторых, к обогащению людей, с которыми преступник состоит в имущественных и личных отношениях; в-третьих, кроме стремления обогатить себя и указанных лиц, корыстная цель субъекта может обозначаться стремлением обогащения соучастников соответствующего преступления [13, с. 151]⁵.

А. Г. Безверхов отмечает, что корыстная цель «должна указывать на то обстоятельство, что в результате совершенного хищения кто-либо незаконно обогатился и это осознается виновным» [14, с. 30].

В труде, посвященном характеристике служебных преступлений, Б. В. Волженкин отмечает, что сущность корыстной цели за-

¹ О некоторых вопросах применения судами законодательства о преступлениях против собственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 5 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2023).

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2023).

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Яни П. С. Мошенничество и иные преступления против собственности: уголовная ответственность. М.: Интел-синтез, 2002. С. 43.

⁵ Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра М, 2012. С. 151.

ключается в незаконном и безвозмездном изъятии чужого имущества в пользу преступника; в пользу лиц, в материальном положении которых виновный заинтересован; в пользу соучастников преступления¹.

В противовес указанным мнениям, исследуя пределы толкования корыстной цели, В. В. Хилюта отмечает, что интерпретировать корыстную цель через возможность лица распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению в пользу неограниченного круга иных лиц не представляется возможным. При этом содержание цели хищения не раскрывается через признак корысти [12, с. 93]. Следует отметить, что такой подход к определению содержания признака корыстной цели преобладает в современной судебной практике, о чем речь пойдет далее. Вместе с тем, полагаем, что такое преобладание имеет место в связи со сложностью идентификации содержания признака корыстной цели при квалификации соответствующих преступлений и, как было отмечено выше, субъективистским его толкованием.

Тем не менее, учитывая внушительную научную разработанность избранной темы исследования, а также иных тем, связанных с хищениями, количество мнений ученых-правоведов относительно определения содержания признака корыстной цели при хищении также велико. Однако, несмотря на некоторые различия в таких мнениях (которые в основном сводятся к возможности или невозможности определения корыстной цели в случае обогащения, улучшения имущественного положения лиц, близких субъекту преступления), в них наблюдается общий вектор определения содержания корыстной цели – извлечение выгоды.

Если речь идет об извлечении выгоды, целесообразно задаться вопросом о соотношении корыстной цели и корыстного мотива. Следует отметить, что законодатель, как и в ситуации с описанием содержания корыстной цели, экономя юридическое описание субъективной стороны хищений, не дает

определения корыстного мотива, не раскрывает его содержания.

Корыстную цель и мотив объединяет признак корысти. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, под корыстью всегда подразумевается выгода, материальная польза. В толковом словаре В. И. Даля корысть определяется как страсть к приобретению, к поживе; жадность к деньгам. Следует отметить, что из приведенных определений корысти в целом ясно, что речь идет о собственной выгоде, но не совсем понятно, можно ли интерпретировать данные определения применительно к иным лицам, в обогащении которых заинтересовано конкретное лицо. Иными словами, могут ли применяться указанные определения к лицу, испытывающему страсть к приобретению, к поживе в интересах иных лиц?

Если способы реализации корыстного желания нарушают нормы закона или морали, корысть указывает на отрицательную составляющую совершенного поступка, на его низменность, аморальность, характеризует субъект с худшей его стороны, говорит о его эгоизме, она общественно порицается. С этической точки зрения корысть представлена в виде некоей нравственной категории, выражающей отношение человека к самому себе, другим людям и обществу в целом [15, с. 81]. Исходя из этого различие между обычной материальной заинтересованностью и корыстью очевидно.

Соотнося корыстную цель и корыстный мотив, можно ли утверждать, что при совершении соответствующего деяния и цель, и мотив не могут быть корыстными одновременно? Мотив представляет собой внутренний смысл поведения. Корыстный мотив преступления – это безнравственное стремление в удовлетворении собственных потребностей путем противоправного завладения чужим имуществом (имущественными правами) либо незаконного освобождения от имущественных обязанностей, либо сокращения личных расходов [16, с. 69].

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления // Уголовное право: учебник / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М.: Юриспруденция, 2007. С. 153.

Несмотря на существующее сходство определений корыстной цели и корыстного мотива, а также на то, что корыстная цель подразумевает корыстную мотивацию, в отличие от мотива, корыстная цель всегда самостоятельна. Мотив не является целью, которую ставит перед собой преступник, так как мотив представляет собой смысл его поведения. Корыстная цель может иметь иные побудительные причины соответствующего девиантного поведения. Мотивы служат связующим звеном между потребностями (интересами) и целями, поэтому цель может быть связана с различными мотивами [16, с. 16].

Итак, возвращаясь к анализу вышеуказанных разъяснений высших судебных инстанций и мнений ученых относительно содержания признака корыстной цели при присвоении или растрате, отметим, что в настоящее время имеет место расширенное толкование содержания корыстной цели. Согласно широкому подходу, отраженному в разъяснениях Постановления от 30 ноября 2017 г. № 48, корыстная цель имеет место в случаях: 1) когда лицо стремится извлечь пользу путем изъятия и (или) обращения чужого имущества; 2) когда имущество передается иным лицам, круг которых не ограничен.

В таком случае, думается, присвоение или растрата не связаны с обогащением исключительно виновного и близких ему лиц. Допускаем, что при данном подходе (из буквального понимания разъяснений Постановления от 30 ноября 2017 г. № 48) при передаче имущества другим лицам виновный либо получает косвенную выгоду, либо руководствуется другими, некими некорыстными мотивами (что противоречит положениям уголовно-правовой доктрины в части оценки действий виновного). Однако, как бы это парадоксально ни звучало, судебная практика складывается несколько по-иному, а именно наблюдается перевес не в пользу изложенного широкого подхода к определению содержания корыстной цели.

Например, из материалов уголовного дела, возбужденного по ч. 3 ст. 160 УК РФ, следовало, что главный бухгалтер А. умышленно, заведомо зная о том, что договорами возмездного оказания услуг, заключенными между ее сыном Н. и организацией, не предусмотрено обеспечение Н. горюче-смазочными материалами, с корыстной целью дала указание о выдаче талонов на получение данных материалов и денежных средств Н. на приобретение этих же материалов для выполнения работ по оказанию транспортных услуг организации на весь период его работы.

Судом первой инстанции было установлено, что А. осуществляла выплаты вопреки тому, что выдача денежных средств для приобретения горюче-смазочных материалов и талонов на их получение предусмотрена не была. Такие действия А. производились в нарушение договорных обязательств и нормативных правовых актов, регламентирующих ведение бухгалтерского учета. При этом о своих действиях руководство соответствующего учреждения А. не уведомляла.

Вынося оправдательный апелляционный приговор, суд последующей инстанции указал, что в действиях А. отсутствуют обязательные признаки присвоения как противоправного, незаконного удержания против воли собственника и использования чужого имущества в своих корыстных целях, поскольку она ничего за счет кого-либо не сэкономила, ничем безвозмездно не завладела и не приобрела право на чужое имущество¹.

Как видим, факт родственной связи подсудимой А. с ее сыном Н. на квалификацию не повлиял. По такой логике обогащение третьих лиц не является корыстной целью. Но в таком случае это противоречит доктринальным определениям корыстной цели, подходам к ее содержанию, а также указанным выше разъяснениям Пленума Верховного суда Российской Федерации.

В другом случае суд первой инстанции мотивировал виновность М. в хищении вве-

¹ Апелляционный приговор Забайкальского краевого суда от 25 июля 2018 года по делу № 22-2063/2018.

ренного имущества путем растраты тем, что имущество филиала виновным истрачено осознанно, по его усмотрению, в том числе путем фальсификации отчетных документов.

Однако вышестоящий суд, отменяя обвинительный приговор, отметил, что приговор суда первой инстанции не имеет указаний на то, какую корыстную заинтересованность и личную цель преследовал М., также данный приговор не содержит указаний и о конкретном лице, в чью именно пользу М. совершил хищение вверенного имущества, а фальсификация отчетных документов является лишь нарушением финансовой дисциплины¹.

Вместе с тем разве фальсификация соответствующих документов не указывает на корыстную заинтересованность оправданного лица? Ведь, во-первых, фальсификация производилась с определенной целью, а во-вторых, вверенное имущество было истрачено.

Приведем еще пример. Суд первой инстанции, рассматривая уголовное дело о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 160 УК РФ, установил, что гр. К., «являясь выборным главой муниципального образования, будучи наделенным полномочиями по решению вопросов местного значения, незаконно издал распоряжение главы муниципального образования о выплате себе премии по итогам работы, самостоятельно определив ее размер». Суд вышестоящей инстанции обвинительный приговор отменил, ссылаясь на то, что «...факт получения премии не свидетельствует об умысле на присвоение денежных средств и о намерении причинения соответствующему лицу материального вреда. Само нарушение порядка выдачи такой премии не указывает на прямой умысел на присвоение и растрату чужого имущества. Также такое нарушение не подтверждает прямой умысел обвиняемого на преступное посягательство на чужие

денежные средства, в результате которого потерпевшему причинен материальный ущерб». Суд отметил, что, вынося распоряжение о своем премировании, К. считал, что получает денежные средства, предназначенные для него, следовательно, никому материального ущерба своими действиями не причинил².

Из этого следует вопрос о том, будет ли считаться собственное премирование, вопреки установленному порядку выдачи либо высвобожденных денежных средств, либо выделенных именно на эти цели, материальным ущербом, в случае, когда, например, сумма такого премирования начисляется субъекту полностью, то есть остальным работникам на премию денег вовсе не остается? На наш взгляд, ответ очевиден – в данном случае материальный ущерб имеет место.

Таким образом, во всех указанных случаях суды мотивировали приговоры тем, что корыстная цель при присвоении или растрате заключается в намерении использовать чужое имущество как свое и получить таким способом материальную выгоду. Однако в случаях, когда имущество передавалось иным лицам, очевидно, также для получения собственной определенной материальной выгоды, в том числе материальной выгоды других лиц, суды признаки корыстной цели не усмотрели.

Заключение

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что пределы определения корыстной цели при присвоении или растрате в интерпретации Постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 на практике в полной мере не реализуются. В основном это связано с неточным технико-юридическим описанием субъективной стороны соответствующего преступления в УК РФ и в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

¹ Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 09 августа 2018 года по делу № 22-209/2018.

² Апелляционный приговор Петушинского районного суда Владимирской области от 21 июня 2018 года по делу № 1-51/2018.

Правоприменительная практика сложилась так, что некорыстные мотивы при передаче чужого имущества в обладание других лиц не могут в совокупности с другими признаками образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ. Однако следует учитывать тот факт, что для достижения корыстной цели у субъекта могут быть самые разные побудительные причины, в том числе и некорыстные мотивы.

В связи с вышеизложенным сложившаяся практика применения ст. 160 УК РФ позволяет фактически виновным лицам избежать уголовной ответственности. Ввиду этого полагаем целесообразным изложить

абзац 1 пункта 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 № 48 в следующей редакции: «При решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен, для получения собственной материальной выгоды или материальной выгоды указанных лиц».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гассман А. Присвоение и растрата чужого имущества // Журнал гражданского и уголовного права: январь и февраль. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1877. Кн. 1. С. 1–62.
2. Исаев М. М. Имущественные преступления // Советская юстиция. 1938. № 23–24. С. 67–68.
3. Борзенков Г. Н. Оценка ущерба при посягательствах на личную собственность // Советская юстиция. 1976. № 1. С. 5–7.
4. Векленко В. В. Преступления против собственности как уголовно-правовая фикция // Российский юридический журнал. 2000. № 3. С. 15–19.
5. Кругликов Л. Л., Перч Н. В., Тенчов Э. С. Имущественные преступления или преступления против собственности? // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: материалы второй научно-практической конференции. Ярославль, 2002. С. 84–88.
6. Братанов В. В. Формы хищения предметов, имеющих особую ценность // Российский следователь. 2007. № 11. С. 6–8.
7. Киршенман В. В. Ответственность за преступления против собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 6. С. 55–57.
8. Белокуров О. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российский судья. 2008. № 11. С. 18–22.
9. Безверхов А. Некоторые вопросы квалификации присвоения и растраты // Уголовное право. 2008. № 4. С. 4–8.
10. Бакрадзе А. А. Вверенное имущество как предмет присвоения или растраты // Российский следователь. 2009. № 8. С. 12–14.
11. Никитин А. В. Находка вещи: правовые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 4. С. 51–58.
12. Хилюта В. В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex russica. 2020. № 4 (161). С. 93–102.
13. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра М, 2012. 528 с.
14. Безверхов А. Г. Корыстная цель как субъективный признак хищения чужого имущества // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: сборник научных статей. СПб., 2017. С. 26–32.
15. Миненок М. Г. Генезис корысти // Вестник ЛГУ. Серия 6. История КПСС, научный коммунизм, философия, право. 1988. Вып. 3. С. 81.

16. Зелинский А. Ф. Корысть: опыт криминологического и психологического анализа // Государство и право. 1993. № 3. С. 67–72.

REFERENCES

1. Gassman A. Appropriation and embezzlement of another's property: January and February // Journal of Civil and Criminal Law: January and February. SPb.: Printing House of M. M. Stasyulevich, 1877. Book 1. P. 1–62. (In Russ.)
2. Isaev M. M. Property crimes // Soviet justice. No. 23–24. P. 67–68. (In Russ.)
3. Borzenkov G. N. Assessment of damage in cases of infringements on personal property // Soviet Justice. 1976. No. 1. P. 5–7. (In Russ.)
4. Veklenko V. V. Crimes against property as a criminal fiction // Russian Law Journal. 2000. No. 3. P. 15–19. (In Russ.)
5. Kruglikov L. L., Perch N. V., Tenchov E. S. Property crimes or crimes against property? // Actual problems of legal liability for violations in the field of economic activity and taxation: materials of the second scientific and practical conference. Yaroslavl, 2002. P. 84–88. (In Russ.)
6. Bratanov V. V. Forms of theft of objects of special value // Russian investigator. 2007. No. 11. P. 6–8. (In Russ.)
7. Kirshenman V. V. Responsibility for crimes against property // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 6. P. 55–57. (In Russ.)
8. Belokurov O. V. Commentary to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2007 No. 51 “On judicial practice in cases of fraud and embezzlement” // Russian Judge. 2008. No. 11. P. 18–22. (In Russ.)
9. Bezverkhov A. Some questions of qualification of appropriation and embezzlement // Criminal law. 2008. No. 4. P. 4–8. (In Russ.)
10. Bakradze A. A. Entrusted property as a subject of appropriation or embezzlement // Russian investigator. 2009. No. 8. P. 12–14. (In Russ.)
11. Nikitin A. V. Finding things: legal aspects // Arbitration and civil procedure. 2014. No. 4. P. 51–58. (In Russ.)
12. Khilyuta V. V. Mercenary motive in embezzlement: are there limits to an expansive interpretation? // Lex russica. 2020. № 4 (161). P. 93–102. (In Russ.)
13. Lopashenko N. A. Infringements on property: monograph. M.: Norma, Infra M, 2012. 528 p. (In Russ.)
14. Bezverkhov A. G. Mercenary motive as a subjective sign of theft of other people's property // Criminal law, criminal legislation: theory and practice: collection of scientific articles of St. Petersburg, 2017. P. 26–32. (In Russ.)
15. Minenok M. G. The genesis of greed // Bulletin of Leningrad State University. Ser. 6. History of the CPSU, scientific communism, philosophy, law. 1988. Issue 3. P. 81. (In Russ.)
16. Zelinsky A. F. Greed: the experience of criminological and psychological analysis // State and law. 1993. No. 3. P. 67–72. (In Russ.)

Информация об авторе:

К. А. Лебедева, адъюнкт.

Information about the author:

K. A. Lebedeva, Adjunct.

Статья поступила в редакцию 04.07.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 04.07.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 21.03.2024.